

■ Глобальное общество и перспективы развития

О. Н. Яницкий

О СООТНОШЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ И МОБИЛЬНОСТИ ГЛОБАЛЬНЫХ СИСТЕМ

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5148

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Аннотация. Опираясь на исследования в области глобализации в мировой и отечественной науке, на изучение динамики стабильности — модернизации в России, а также на многолетние собственные исследования в сфере социальной экологии и теории риска, автор пришёл к следующим выводам. Глобализация — двуединый процесс формирования унифицирующих всепроникающих сетей и национально-территориальных образований. Это борьба двух форм общественного производства: информационного (виртуального) и материально-вещественного; обе они производят как блага, так и бедствия. Односторонняя глобализация вызывает массовый протест в широких слоях общества. В последние два десятилетия российская социология концентрировалась на изучении двух процессов: на процессе перехода социалистического общества к рыночной экономике и на способах концептуализации этого перехода. За этот период был выполнен ряд фундаментальных работ по проблемам модернизации российского общества при явном отставании исследований многосторонних процессов его глобализации. Междисциплинарные, проблемные и граждански ориентированные исследования, присущие всей истории русской науки, должны быть возрождены. Социальные процессы глобализации носят нелинейный, вероятностный характер, изобилуя неожиданными поворотами. Среда, в которой они совершаются, не инертна, поскольку также состоит из совокупности динамичных и статичных сил противодействия, причём их взаимодействия имеют разные темпоритмы. Метаболические процессы, большая часть которых скрыта от постороннего наблюдателя, наиболее сложная и актуальная проблема междисциплинарного анализа. Другая не менее сложная проблема — это драйверы современной модернизации. Быстрое овладение технологическими новинками молодёжью, избыток рабочей силы в развивающихся странах, исчерпание потенциала «ресурсной модернизации», кадровый голод, падение престижа фундаментальной науки тормозят её движение. Темпы трансформации институциональной структуры общества всё более отстают от скорости перемен на всех уровнях. Престиж фундаментальной науки падает, и, напротив, социальный и политический вес медиа растёт.

Ключевые слова: глобализация, институты, информационное производство, междисциплинарные исследования, медиа, метаболизм, наука, публичность, сети, среда, территориальные системы.

Постановка вопроса

Глобализация — двусторонний процесс транснационализации, идущей «поверх» любых социально-территориальных образований, и локализации. Хотя их соотношение постепенно меняется в пользу первой, она не может существовать

без территориально-локализованных узлов и ячеек второй. Глобализация – не линейный процесс. С одной стороны, динамические процессы, расходуя свою энергию, постепенно затухают или «переключаются» на новые цели; с другой стороны, именно в территориально-локализованных узлах и ячейках накапливаются ресурсы для её дальнейшего развития.

Глобализация есть двусторонний процесс и в другом отношении. Для одних производственных систем и групп населения она производит блага, тогда как для других – только бедствия. Эта её диалектика справедлива как для природных, так и для сконструированных человеком систем. Например, рост народонаселения планеты обостряет проблему нехватки питьевой воды, а также производства продуктов питания. Перенос «грязной» индустрии, улучшая экологическую обстановку в индустриально развитых странах, ухудшает её в странах третьего мира. Иными словами, глобализация – всегда «глокальный» процесс. Не только потому, что глобальные силы изменяют местный природный ландшафт, разрушают локальные сообщества, но и потому, что «единичные» агенты (радикалы, террористы) способны сегодня нанести глобальный вред, который трудно предсказать.

Глобализация есть борьба двух трендов: универсализации и унификации и партикуляризации, то есть усилий по сохранению социально-культурной специфики обществ и сохранению биологического разнообразия планеты. А это разнообразие, в свою очередь, повышает устойчивость нашей планеты как социобиотехнической системы. Односторонняя глобализация / унификация вызывает массовый протест не только «низов», но и среднего класса.

Наконец, ускорение процессов глобализации обозначило ещё одну фундаментальную проблему: отставание институциональных систем от государства до науки и образования от темпоритмов происходящих перемен. Это проблема не только запаздывания управленческих решений, но и растущего разрыва между многосторонним характером идущих перемен и их односторонней (монодисциплинарной) интерпретацией. Здесь есть вопросы и к российской социологии.

От односторонности к междисциплинарности

В течение последних 25 лет общественные науки России развивались по нескольким направлениям. Одно сосредоточилось на «транзите», то есть самом процессе перехода от социализма к капитализму. Эта группа учёных занималась проблемами данной переходной фазы. Они изучали фундаментальные трансформации российского общества по мере его включения в глобальную рыночную систему и одновременно были озабочены его стабилизацией и самосохранением. Другая группа учёных фокусировалась на идеологии этого перехода, то есть на борьбе между либерализмом западного толка и консервативной ориентацией, уходящей корнями в идеологию авторитаризма. Высказывались и более радикальные точки зрения. Так, Ю. Н. Давыдов, опираясь на работы

выдающегося русского экономиста Д. Н. Кондратьева, подчёркивал опасность трансформации циклически-волнового характера социальной динамики в регрессивно-необратимый процесс. Причём, по мнению Давыдова, этот регресс имеет рукотворную природу [Давыдов, 1999: 114–116]. Академик Л. И. Абалкин выразился ещё более определённо: происходит развал, который «не несёт в себе импульсов возрождения и подъёма, в отличие от циклического кризиса» [Абалкин, 1995: 132]. Выражаясь современным языком, речь идёт о внесении хаоса в процесс трансформации социального порядка. Прогноз Давыдова о том, что такая динамика вызовет не только недовольство беднейших слоёв населения, но и «нравственное возмущение», сегодня всё более оправдывается [Давыдов, 1999: 126]. Годом ранее в своей капитальной монографии по современной социологической теории Давыдов пришёл к выводу, что в результате «рыночной революции» у нас возник капитализм архаического социокультурного типа с сокращающимся объёмом научного производства [Давыдов, 1998: 475, 501].

По мере стабилизации хозяйства и социального порядка стал расти интерес социологов к проблеме модернизации российского общества. Так, в 2016 г. было завершено несколько фундаментальных исследований по состоянию и трендам российского общества [Атлас..., 2016; Горшков, 2016; Межнациональное..., 2016 и др.]. Но чем больше российское общество включалось в глобальные сети (ресурсные, информационные, политические, культурные и пр.), тем меньше эти процессы обсуждались российской социологией. По моим подсчётам, в 2016 г. не было опубликовано ни одной монографии *непосредственно по социальным проблемам глобализации Российской Федерации*, а в 2015–2016 гг. в ведущих российских социологических и политологических журналах по данной проблематике практически не было статей. И это при том, что в мире существует несколько журналов, специализирующихся в этой области (см., наприм., *Global Dialogue*). Теоретически такая ситуация оправдана только в одном случае, если глобальный контекст уже был учтён российскими исследователями, но не артикулирован в силу его второстепенности. Для сравнения: в 1960–70-е годы в СССР было опубликовано не менее десятка индивидуальных и коллективных монографий по проблемам глобализации.

История общественной науки России XIX века свидетельствует о том, что две её базовые дисциплины – история и филология – всегда были междисциплинарными, что и было закреплено институционально. Однако позже, хотя дифференциация наук продолжилась, их взаимодействие затормозилось. Тем не менее, ряд российских исследователей российского переходного периода (Ю. Н. Давыдов, Т. И. Заславская, И. С. Кон, Д. С. Лихачёв, Б. М. Фирсов, О. Н. Яницкий и другие) вы-

сказывались в пользу междисциплинарного подхода к его анализу (см., наприм., интервью с Б. М. Фирсовым: [Козловский, 1999]). Показательно, что именно эти исследователи ранее работали в нескольких областях обществознания (социальной антропологии, истории, урбан-социологии, социальной экологии). И. С. Кон в своей автобиографии уделил этому вопросу особое внимание, процитировав афоризм Г. К. Лихтенберга: «кто не понимает ничего, кроме химии, тот и её понимает недостаточно». Кон замечает, что систематически работать в одной определённой отрасли знания легче, чем на стыке разных наук. И далее он делает важное замечание: «Междисциплинарность имеет и личный аспект. Если твоя проблематика представляет широкий общественный интерес, это приносит популярность, но одновременно обрекает на одиночество. Хотя тебя вроде бы все знают, ты везде остаёшься более или менее посторонним. В трудные моменты никто не будет тебя защищать... С возрастом чувство посторонности генерализуется и усиливается. Даже если этот новый, незнакомый и быстро меняющийся мир тебя интересует, что совсем не обязательно, ты уже не можешь рассчитывать на взаимность. Максимально — на вежливую терпимость: “говорят, что он когда-то что-то сделал...”» [Кон, 2008: 392–393]. То есть междисциплинарные исследования, по существу, — альтруистическая деятельность, не приносящая данному исследователю ни славы, ни прибыли, что подтверждается деятельностью защитников природы, памятников истории и культуры и краеведов.

Для того чтобы изучать качественные трансформации в ходе глобализации, необходим междисциплинарный подход. Есть две задачи: понимание сетевого характера глобализации и социальная и политическая интерпретация качественных трансформаций. Без такой интерпретации нельзя понять, какие цели стоят перед социологами глобализации, строящими, например, прогноз социальных последствий глобального потепления. Как более десяти лет назад отмечали западные исследователи, идёт «прогрессирующее размывание традиционных различий между экономической, политической, социальной и культурной сферами» [Хардт, Негри, 2006: 140]. Эти же авторы отметили ещё одну важную особенность формирующегося глобального общества, трактуя его как *множество*, но именно как единство разнообразия, которое не сводимо ни к *толпе*, ни к *массе*, ни к *народу*. Если учесть при этом невидимые для стороннего наблюдателя метаболические процессы как внутри глобального общества, так и между разными агентами социальных глобально-локальных трансформаций, то необходимость разработки методического инструментария для междисциплинарного анализа становится ещё более насущной. Структура и цели миграционного потока, хлынувшего из Африки и Ближнего Востока в Европу, эмпирически подтверждают это теоретическое положение.

На необходимость локально-глобального междисциплинарного подхода указывает Э. Гидденс: «История субстанционально прерывиста, её работающей эволюционной модели не существует. Поведение людей всегда ситуативно, они действуют в конкретной среде, социальном и географическом контексте, кото-

рый обуславливает их активность и на который они одновременно отвечают и реструктурируют его самым разным образом» [Sociology, Politics., 2016]. Ведь для того, чтобы адекватно анализировать закономерности «прерывистой» глобализации, надо уметь интерпретировать деятельность разных социальных агентов в качественно разных средах и их обратное воздействие на условия их существования. В связи с этим замечу, что взрыв общественного интереса к экологическим проблемам в России можно лишь частично объяснить перестроечным процессом. Эта озабоченность возникла много раньше. Она объясняется субстанциональным характером природных условий, поддерживающих жизнь на планете.

О связи стабильности и мобильности

Мнение ведущих российских и зарубежных исследователей сходно в одном: наступил «век перерыва постепенности». Причём если одни полагают, что человечество всё же движется вперёд по оси исторического времени, то другие считают, что современный глобальный мир – это хаотическая совокупность разнонаправленных движений. Причём не только к ранним этапам капиталистического накопления, но и к различным формам архаики и даже к полному распаду социального порядка. История человечества уже который раз свидетельствует, что ни капиталистическое, ни социалистическое общество не застраховано от возвратных движений даже к худшим радикальным и тоталитарным формам стабильности, как это происходит сегодня с ИГИЛ. Значит, каждая историческая форма социальной динамики сочетает в себе элементы подвижности и стабильности.

Глобальные процессы носят нелинейный, вероятностный характер. Эти их качества обусловлены как изменением внешних условий (меняющейся расстановкой политических сил на мировой арене, новыми альянсами или конфликтами), так и внутренними ресурсами данного социального процесса, силой его идеологии, возможностью мобилизации интеллектуальных и социальных ресурсов, способностью к самоорганизации и т. д. Если вернуться к формулировке Гидденса, то очевидно, что каждый из упомянутых там факторов исторической динамики не является самостоятельным, так как он взаимодействует со средой своего обитания. А эта среда не инертна, она тоже состоит из множества агентов, каждый из которых (или их совокупность) является сложной системой (*complexity*), которая имеет свой ресурс и силу реакции на внешнее воздействие. К тому же

каждая из таких сложных систем имеет свою «несущую способность». Если она превышена, то среда обитания превращается в агента, который или даёт отпор внешнему воздействию, или же становится источником риска.

Следующий общий момент — это *изменяющийся темпоритм всякого социального процесса*. Развитие информационных технологий увеличивает их скорость. Если информация достигает любой точки земного шара практически мгновенно, породив феномен «инверсии пространства», то для доставки природных ресурсов, товаров, услуг и др. требуется разное время. Если к этому прибавить время на их потребление, переработку и утилизацию, то задача ещё более усложняется. Но наиболее сложная для социальных наук междисциплинарная проблема — это процессы *социально-экологического метаболизма*. Привычный для уха социолога термин «интеракция» сам по себе ничего не даёт, всё дело в том, каков именно характер взаимодействия различных агентов динамических процессов. Отечественная и зарубежная социология только недавно начали осваивать эту проблематику, пока преимущественно в аспекте структуры энергоресурсов с целью их экономии [Fisher-Kowalski, 1997; Fisher-Kowalski, Haberl, 2007]. С моей точки зрения, есть три типа метаболизма: **естественный**, совершающийся в природных системах; **искусственный**, то есть сконструированный человеком; и собственно **социальный**, когда взаимодействие индивидов, групп и социальных общностей изменяет их самих. К тому же взаимоотношения между рекомендациями науки и практикой опосредуются политическими интересами, правоприменительной деятельностью и бюрократическими процедурами. Но и это не всё. Ещё недавно государственная мощь ассоциировалась в массовом сознании с развитой военной машиной, высококвалифицированным персоналом, наличием природных ресурсов. Сегодня же вред, который может причинить единственный террорист, сопоставим с результатом военной операции. Чем дальше, тем больше судьбу таких операций решают не фронтальные сражения, а действия мелких мобильных групп. Этот феномен получил название «силы слабости».

Экологический фактор приобретает в настоящее время качественно иной смысл. Социальная активность человека, вооружённого современной техникой, столь интенсивная и всепроникающая, что «чистой» природы на планете практически уже не осталось. Сформировались сложные социобиотехнические системы (СБТ-системы) разного масштаба — глобальные, региональные, местные [Яницкий, 2016]. Причём никакие административные границы не являются для них преградой, и лишь особенности природного ландшафта и климата несколько сдерживают их активность и влияние.

Наконец, проблема соотношения скоростей перемещения различных ресурсов и их трансформаций в глобальной СБТ-системе остаётся пока неизученной. Очевидно, что любая информация «движется» быстрее, чем нефть по трубопроводу или грузы по морю или дорогам. Однако если на неделю останутся глобальные ресурсные или товарные потоки, то ценность быстрой доставки информации резко снизится. А если учесть при этом разные скорости метаболических

процессов, то задача становится практически неразрешимой, и снова приходится полагаться на здравый смысл и субъективную оценку локальной ситуации. Получается, что формула «время – деньги» верна далеко не всегда.

Драйверы нового этапа модернизации и силы сопротивления

Это наиболее сложный вопрос. В мировой экономической и социологической литературе таким драйвером считается пара «технологическая революция и рыночные отношения» как совокупность двух взаимно стимулирующих сил. Информационные системы стимулируют глобализацию рынков сбыта и потребления, что, в свою очередь, даёт новый импульс к развитию информационного производства и т. д. В течение долгого времени либерально ориентированные исследователи полагали, что глобальной динамике этого тандема нет препятствий. Однако они не учли роста сил сопротивления.

Во-первых, всякое технологическое новшество – обоюдоострый инструмент, который в руках догоняющих обществ может быть обращён против лидеров технологической модернизации. Что и случилось в ходе мощного миграционного удара по Европейскому союзу со стороны стран Африки и Ближнего Востока. *Во-вторых*, либеральные теоретики не учли фактора неравномерной демографической динамики. Они полагали, что, как и 30–40 лет назад, в мире всегда есть избыток дешёвой и покорной рабочей силы, которую при необходимости можно привлечь и обучить. Однако оказалось, что эта «рабочая масса» может выдвигать свои требования. То, что европейцы создавали веками, эта «масса» захотела получить немедленно, хотя бы частично устранив веками создававшиеся неравенство и несправедливость. *В-третьих*, сегодня в развивающихся странах накопился избыток квалифицированной рабочей силы, часть которой обучалась в высокоразвитых странах и потому знала свои возможности и имела высокие притязания в отношении жизненных стандартов. Европейцы, обеспокоенные старением своего населения, не захотели соотнести этот процесс с мировой социально-демографической ситуацией. В результате англо-саксонский мир ощутил на себе «эффект бумеранга», о котором предупреждал У. Бек, говоря о неэффективности существующей политической системы, унаследованной от прошлого этапа модернизации. Это был двойной эффект. С одной стороны, ЕС породил наднациональную бюрократию, независимую от стран-членов ЕС и жившую за их счёт. С другой стороны, ускоренный перенос

«грязной индустрии» в третьи страны создал эффект «ржавого пояса», то есть стагнации и деградации внутренних районов англо-саксонских стран, бывших драйверами модернизации в индустриальную эпоху. Наконец, политика глобального господства, проводимая администрацией США, вызывает растущее сопротивление и России, и стран третьего мира. Как уже неоднократно показывал исторический опыт, внешняя политика как политика захвата и доминирования не может быть единственным драйвером модернизации. Внешняя и внутренняя политика должны быть сбалансированы.

В отношении нового этапа модернизации России я могу высказать только некоторые гипотезы, которые требуют обсуждения и эмпирического тестирования.

Во-первых, институты науки и образования в их нынешнем состоянии не могут быть драйверами нового этапа модернизации страны. Для того чтобы стать таковыми, они сами нуждаются в модернизации, в мощном притоке финансовых и человеческих ресурсов и, главное, в идеологическом обеспечении этого процесса. На всё это требуется время.

Во-вторых, в нынешних условиях автаркия возможна лишь в весьма ограниченных пределах. Поэтому должна быть восстановлена, модернизирована и развита сетевая структура связей между различными отраслями общественного производства на всех уровнях — глобальном, национальном и местном. Особого внимания требуют межрегиональные и межотраслевые связи.

В-третьих, ресурсная модернизация, сыгравшая свою роль на предыдущем, переходном историческом этапе развития страны, сегодня должна служить современным формам её развития: информационным, социальным, образовательным и многим другим. Фактически перед каждым драйвером модернизации стоит двуединая задача — создавать инновации и закреплять их как институционально, так и в массовом сознании.

В-четвёртых, если в стране будет взят курс на всеобъемлющую модернизацию, то поначалу он вызовет сопротивление консервативных сил во всех слоях общества. Так уж сложилась наша история, что десятилетиями российское общество было прежде всего ориентировано на стабильность. Инновации на словах поддерживались, но на деле отторгались консервативной частью общества.

В-пятых, чтобы преодолеть или хотя бы нейтрализовать сопротивление, потребуется мобилизация сил. Но каких именно и в какой форме — вопрос открытый. Пока мы скорее имеем дело с мобилизационными усилиями, направленными на укрепление существующего социального порядка. Одно ясно: просто «рецидивирующей модернизации» (термин, введённый Н. Ф. Наумовой) типа горбачёвских «ускорения и перестройки» сегодня уже недостаточно. Проблема в том, что мы ещё плохо понимаем, что такое российская модернизация и каким образом она впишется в глобальные процессы. В общем виде это всё та же задача соотношения (баланса, взаимосвязи) глобальной динамики и территориально фиксированных процессов.

В-шестых, в условиях нынешнего экономического кризиса и, прежде всего, недостатка наличных денег, предложения о мобилизации наличных денежных средств у населения, исходящие «сверху», представляются рискованными и даже чреватыми социальным взрывом. На мой взгляд, доверие населения к власти и, следовательно, потенциал обновления российского общества будут расти параллельно с её собственными усилиями по снижению существующего неравенства и несправедливости. Уроки брюссельской супербюрократии должны быть учтены.

В-седьмых, в отличие от периода 1990-х гг., когда понятие «социальный конфликт» и сама конфликтная природа процесса российского обновления широко дискутировались, в настоящее время этот исследовательский подход и соответствующий инструментарий практически исчезли из социальных наук. Как отмечал В. С. Семёнов, «конфликты... на основе объективно возникающих противоречий при их разрешении продвигают общественный процесс вперёд, способствуют наращиванию прогрессивных изменений» [Семёнов, 1993: 73]. Другое дело, что предмет социальной конфликтологии чрезвычайно усложнился вследствие тесного взаимовлияния всех агентов социального действия посредством всепроникающих информационных сетей.

Наконец, в российской социологии уже более двадцати лет имеют место негативные тренды. К ним относятся: общее падение престижа социологии как науки, её сведение к политическому инструменту («социологи сказали...»); недостаточное развитие теоретической социологии, в том числе теорий среднего уровня. Далее, сведение социологии до уровня «конкретной» эмпирической науки, изучение социальной структуры общества в статике, коммерциализация социологии, её всё большее подчинение СМИ и т. д. [Руткевич, 1993]. Я к этому списку добавил бы ещё три проблемы: практически полное отсутствие социологической прогностики, ложное противопоставление производства научного и обыденного знания и дискурсивный метод анализа и разрешения конфликтов.

Изменение институциональной структуры общества

В общественных науках сложилось понимание социальных институтов как наиболее общих принципов и правил игры. Если они всеобщие, значит, наиболее стабильные, иначе зачем они были бы нужны? Однако, как уже отмечалось, между стабильностью и мобильностью (изменчивостью) есть диалектическая связь. Каждая смена способа производства приводила к изменению правил игры или как мини-

мум к их корректировке. Даже смысл таких вечных понятий, как вера, доверие и справедливость сегодня изменяется. Изменение института семьи, этого наиболее фундаментального социального института – наиболее яркий тому пример. Ещё характерный пример – это эволюция института церкви, которая сегодня, независимо от конфессиональных различий, стремится давать свои ответы на животрепещущие жизненные вопросы.

На мой взгляд, есть несколько фундаментальных проблем институциональной динамики, требующих анализа и обсуждения. Первая из них – это *глобальное сообщество как социальный институт*. Эмпирически оно уже сложилось, хотя и в противоречивом единстве. Международные институты, созданные более полувека назад, уже не справляются с динамикой глобализации. С одной стороны, эти институты всё более подвергаются критике как несоответствующие современным реалиям. С другой стороны, политическая практика стремится преодолеть этот недостаток путём длительных переговоров, в ходе которых и состав их участников, и их позиции могут меняться, а также посредством временных соглашений (о перемирии, временном прекращении огня, гуманитарных паузах, работе над «дорожными картами» и т. д.). Изменение формата и содержания Минских соглашений – наглядный пример.

Вторая проблема: каковы должны быть институты функционирования глобальной СБТ-системы как целого, качественно отличного от прошлой совокупности институтов, опирающихся на дихотомию *общество – природа*. Это вопрос, поставленный самой жизнью, на который у науки пока нет ответа. Сегодня каждый из глобальных и региональных игроков формирует свою картину мира, исходя из собственных приоритетов и целей. Для России, например, необходимо развитие социальных институтов, не только поддерживающих, но и стимулирующих её модернизацию, тогда как для многих стран Африки и Ближнего Востока стоит задача восстановления их базовых социальных институтов, то есть преодоления политического и социального хаоса. Но, учитывая растущую мощь средств массового поражения, которой обладают уже многие государства мира, их согласие относительно управления этим новым глобальным организмом абсолютно необходимо.

Третья проблема касается *сетевых институциональных систем*, точнее, принципов их взаимодействия с территориальными институтами. Пока что эти сети рассматривались только как структурный элемент функционирования государств, корпораций и других глобальных институциональных образований. Однако уже очевидно, что глобальные информационно-коммуникационные магнаты начинают диктовать свои правила игры отдельным участникам процессов глобализации. Начинается борьба хакеров, компроматов и вбросов ложных сообщений. У. Бек ввёл понятие космополитических сообществ [Beck, 2010], которые могут существовать только как сетевые системы. Исследования, проведённые в рамках Мирового экономического форума (2007–2016 гг.), подтвердили факт существования таких глобальных сетевых институтов [см., наприм., The Global Risks..., 2015].

Однако это только начало пути. Остаются непрояснёнными многие вопросы: каков характер связей, выявленных в данной серии глобальных исследований, они односторонние или многосторонние, равноправные или нет? Каково их содержание (контент)? В одном случае это могут быть информационные связи, в другом – потоки природных ресурсов, в третьем – миграционные потоки и т. д. И что получается в результате функционирования каждого из них? Далее, ведь выявленные в данном исследовании связи могут со временем измениться, но как часто это происходит и каким образом? И, наконец, самый главный вопрос: кто те глобальные игроки, которые эти потоки переключают или перепрограммируют? Как показали исследования информационных потоков в медиапространстве, их главными регуляторами являются немногие игроки мирового масштаба [Arsenault and Castells, 2008].

Четвёртая проблема касается путей изменения *территориальных институтов*, и в первую очередь государств и принципов их административно-территориального деления. Ведь деление на институты федерального, регионального и местного значения тоже зависит от глобальной динамики, соотношения глобального и национального рынков, а также от этапа модернизации, на котором данное государство находится. Как показал опыт СССР 1920–1930-х годов, тогда не только технические новинки, но и целые заводы пришлось импортировать, чтобы быстро догнать индустриально развитые страны. А восстановительный период после Великой Отечественной войны был в основном выполнен своими силами. Кстати, в советский период межрегиональным производственным связям придавалось большое значение. Сегодня, пока мы не преодолеем ресурсную парадигму развития, означающую превращение природных ресурсов в денежные потоки, надеяться на скорое развитие местной промышленности и восстановление межрегиональных производственных связей не приходится.

Пятый вопрос касается *темпоритмов институциональных систем* любого масштаба. Сказанное выше означает, что структурно-функциональная динамика социальных институтов любого масштаба всё более отстаёт от структурно-функциональной динамики глобальных перемен. Поэтому одна сторона проблемы заключается в том, что ускоряющийся темп этой динамики принуждает к быстрым (волевым) решениям, что исключает время на диалог и самоорганизацию. Значит ли это, что ускоряющаяся динамика подталкивает к авторитарной и даже тоталитарной форме правления? Другая сторона проблемы состоит в том, что стабильность властных структур, обладающих правом генерирования массы подзаконных актов, инструкций и вре-

менных правил, есть источник обогащения бюрократии и усиления её властных полномочий. Как говорили в 1950-х годах, «нет ничего более постоянного, чем временные трудности». Каким образом совместить демократию с непрерывно ускоряющейся глобальной динамикой – вопрос пока открытый.

Наконец, последнее замечание. Разрушение авторитарных порядков глобальными силами, как это произошло в Северной Африке и на Ближнем Востоке, привело к формированию устрашающих гибридов, соединяющих варварское насилие и владение современными информационными технологиями [Sociology, Politics..., 2016].

От научного исследования к публичной политике

В одном из номеров специально издававшегося в США для советского читателя журнала «Америка» за 1960-е годы я наткнулся на любопытную заметку о составе корпуса нобелевских лауреатов. Оказалось, что только половина из них действительно были выдающимися учёными, другую половину составляли рядовые учёные, но внёсшие существенный вклад в популяризацию достижений науки. Почему?

Использование информационных технологий и сетей резко расширило доступ масс к разным отраслям знания, но одновременно привело к обесцениванию самого процесса научного исследования и производства научных фактов. Соответственно, произошло и расслоение научных кадров. Старшее поколение предпочло оставаться в своей «башне из слоновой кости», тогда как молодое поколение всё больше стремилось в сферу публичной политики, что быстро приносило известность и материальный достаток.

Постепенно сформировался институт общественного участия (*public participation institution*), что одновременно расширило доступ молодёжи к научным знаниям и позволило использовать метод привлечения широкой общественности к научному поиску (*crowd-sourcing*). Снизился барьер между «высокой наукой» и обыденным знанием. В этом сближении существенную роль сыграли такие междисциплинарные сферы науки-практики, как экологическое движение и движение краеведов. Впоследствии возник некий «гибрид», получивший название общественно-научных исследований. Всё более широкое признание получали такие методы изучения, как прямое наблюдение за действиями некоторого агента (*follow the actor*) и обучение практикой (*learning by doing*).

Чем более распространялась идеология потребительского общества, тем более наука подчинялась массмедиа, которые формировали и внедряли эту идеологию в массовое сознание. Для поддержания этой идеологии, необходимой для поступательной динамики капиталистического производства, потребовался корпус «конструкторов», умевших одновременно изучать потребительский спрос и направлять его в нужном для массового производства направлении.

Наконец, в ходе конструирования гибридных систем, которые я назвал СБТ-системами, произошёл качественный перелом во взаимоотношениях этих двух институтов. Это могли быть гибриды типа человек-машина, «умный дом», «умный город» и др. Современная медицина, сельскохозяйственные науки, конструирование любых летательных аппаратов не обходится без учёта человеческого фактора. Но понятие «учёт» здесь уже недостаточно. Качественный перелом состоит, прежде всего, в конструировании виртуальной реальности, в которой некоторое «мнение» (заявление, публикация в СМИ, репортаж, телепередача) начинает довлеть над фактами реальной жизни. Одна причина этого сдвига – это действительная невозможность проникнуть в «кипящий котёл» вооружённого конфликта или техногенной катастрофы. Но другая причина ещё более существенна: если некоторое мнение конструируется, а затем тиражируется уважаемыми СМИ, то оно становится фактом экономической или политической жизни.

Выводы

Всё сделанное российскими учёными в отношении динамики **стабильность – мобильность** за последние четверть века отнюдь не устарело. Напротив, оно является необходимой базой для дальнейших исследований с акцентом на глобальном контексте предстоящих трансформаций. Необходимо сосредоточиться на исследовании связки **русская модернизация – глобальная динамика**. Разработка методов социальной диагностики позволяет сделать следующий шаг к многомерному социальному прогнозированию. Следующие аспекты динамики стабильность–мобильность представляются наиболее важными.

На сегодняшний день единой картины мира, которая устраивала бы всех игроков, не существует. Каждый сначала стремится обозначить и утвердить свои интересы на глобальном поле, а потом их институционально узаконить. Иными словами, глобализация – во всех отношениях противоречивый процесс, обременённый борьбой за ресурсы, власть или влияние. Поэтому в современном мире мобильность и стабильность – два взаимозависимых состояния. Устойчивость государств и других социальных институтов и социально-территориальных формирований не есть некое стационарное состояние. Их устойчивость в каждый момент времени зависит от быстроты реакции их институтов на вызовы извне и изнутри, а также от способности к мобилизации и маневрированию ресурсами. В мире сегодня нет

абсолютно «сильных» и «слабых», но в ходе непрерывной геополитической борьбы периодически возникают сильные и слабые игроки и их коалиции. Поэтому стабильность силы в большей степени изображается посредством СМИ, чем существует в реальности.

Возникновение на глобальной арене гибридных форм социального действия и порядка неслучайно. Гибридные, в том числе сетевые, формы социального порядка и локально-глобальных субъектов действия получают всё большее распространение именно вследствие их мобильности, способности к трансформации, смене политической направленности. Однако если эта борьба заканчивается полным распадом социального порядка некоторого государства или сообщества, то возникают гибриды, сочетающие крайние формы насилия над инакомыслящими и владение информационными технологиями с целью установления глобального диктата. Наконец, «гибридность», понимаемая мною как метаболизм глобально-локальных связей, означает необходимость междисциплинарного подхода к их изучению, что, в свою очередь, выдвигает на первый план задачу разработки методик социальной и экологической интерпретации гибридных процессов.

Список литературы

- Абалкин Л. И.* К самопознанию России. М.: Ин-т экономики РАН, 1995. 201 с.
- Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
- Горшков М. К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 1 / М. К. Горшков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
- Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. 510 с.
- Давыдов Ю. Н.* Куда пришла Россия? Два пути капиталистической эволюции // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 1. С. 108–127.
- Козловский В. В.* Интервью с доктором философских наук Б. М. Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 4 (8). С. 5–22.
- Кон И. С.* 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. 432 с.
- Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Л. М. Дробижина [и др.]; отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: ИС РАН, 2016. 400 с.
- Руткевич М. Н.* Социология, власть, общественное мнение // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 3–14.
- Семенов В. С.* Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 73–76.
- Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

Яницкий О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5–22.

Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. 2008. № 23 (4). P. 488–513.

Beck U. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of ‘Cosmopolitan’ Risk Communities / Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.

Fisher-Kowalski M. Society’s Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star // The International Handbook of Environmental Sociology / Ed by M. Redklift, G. Woodgate. Northampton, MA: Edward Elgar, 1997. P. 119–137.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University, 2007.

Sociology, Politics and Power. An Interview with Antony Giddens [Электронный ресурс] // Global Dialogue. Dec. 2016. Vol. 6. № 4. URL: <http://isa-global-dialogue.net/sociology-politics-and-power-an-interview-with-anthony-giddens/> (дата обращения: 14.02.2017).

The Global Risks Report 2016 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. Geneva. URL: www.weforum.org/risks (дата обращения: 14.02.2017).

Дата поступления в редакцию: 15.03.2017.

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5148

On the Relationship Between Stability and Mobility of Global Systems

Yanitsky Oleg Nikolaevich

Doctor of Philosophical Science, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. Drawing on the studies in globalization in a world and Russian sciences, on a dynamics of sustainability-modernization in Russia, and on his own long-term research in the realms of social ecology and risk theory, the author came to the following conclusions. First, the globalization is a double-sided process of shaping of unifying all-penetrating networks embracing the planet, and locally-fixed national systems. Second, recently the globalization is a struggle of two forms of production, virtual and ‘material.’ Both of them is producing the ‘goods’ and ‘bads.’ Thirdly, one-sided globalization generates mass social and political protest. Fourth, in the run of last two decades the Russian sociology has concentrated on two issues: on the processes of transition from a planned economy to a market one. Fifth, during that period a set of fundamental research of Russia’s modernization have been fulfilled; at the same time the studies in globalization lagged behind. Sixth, the interdisciplinary, problem and civic oriented studies inherent to Russian scientific community should be restored. Seventh, recently the globalization

process has nonlinear and probable character featured by bifurcations and unintended consequences. Eighth, in turn its milieu is not inertial because it consists of numerous actors of static and mobile character. Ninth, mainly unseen the metabolic processes are the most difficult and acute research issue. Tenth, the other urgent problem is the drivers of modernization processes since it accompanied by surplus of labor power, mass the South-North migration flows, etc. Eleventh, the tempo-rhythms of institutional transformations are lag far behind from a pace of social transformations. Twelfth, a prestige of fundamental science is going down whereas a social and political weight of politics built-in the media is growing.

Keywords: environment, globalization, information production, institutions, interdisciplinary research, metabolism, networks, publics, science, territorial systems

REFERENCES

Abalkin L. I. 1995. K samopoznaniju Rossii. [To self-knowledge of Russia]. M.: Institut jekonomiki RAN. 201 p. (In Russ.).

Atlas modernizacii Rossii i ejo regionov: sociojekonomicheskie i sociokul'turnye tendencii i problem. 2016. [Atlas of modernization of Russia and Its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems]. Ed. by N. I. Lapin. M.: Ves' Mir. 360 p. (In Russ.).

Davydov Ju. N. 1998. Maks Veber i sovremennaja teoreticheskaja sociologija: Aktual'nye problemy veberovskogo sociologicheskogo uchenija. [Max Weber and contemporary theoretical sociology: Actual problems of weberian sociological teaching]. M.: Martis. 510 p. (In Russ.).

Davydov Ju. N. 1999. Kuda prishla Rossija? Dva puti kapitalisticheskoi jevoljucii. [Where it came to Russia? Two paths of capitalist evolution]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. T. 2. Vyp. 1. P. 108–127. (In Russ.).

Gorshkov M. K. 2016. Rossijskoe obshhestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoi diagnostiki): v 2 t. [Russian society as it is: (the experience of sociological diagnostics)]. T. 1 / M. K. Gorshkov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Novyj hronograf. 416 p. (In Russ.).

Hardt M., Negri A. 2006. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii. [Multitude: war and democracy in the age of Empire]. Per. s angl., Ed. by V. L. Inozemcev. M.: Kul'turnaja revoljucija. 559 p. (In Russ.).

Kozlovskij V. V. 1999. Interv'ju s doktorom filosofskih nauk B. M. Firsovym. [Interview with doctor of philosophical sciences V. M. Firsov]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. T. 2. № 4(8). P. 5–22. (In Russ.).

Kon I. S. 2008. 80 let odinochestva. [80 years of solitude]. M.: Vremja. 432 p. (In Russ.).

Mezhnacional'noe soglasie kak resurs konsolidacii rossijskogo obshhestva. 2016. [Inter-ethnic harmony as a resource for the consolidation of the Russian society]. Ed. by L. M. Drobizheva. M.: IS RAN. 400 p. (In Russ.).

Rutkevich M. N. 1993. Sociologija, vlast', obshhestvennoe mnenie. [Sociology, government, public opinion]. *Sociologicheskie issledovanija*. № 7. P. 3–14. (In Russ.).

Semenov V. S. 1993. Rossija v seti konfliktnosti: mezhdvu vzryvom i soglasiem. [Russia in the network of conflicts: between the explosion and consent]. *Sociologicheskie issledovanija*. № 7. P. 73–76. (In Russ.).

Yanitsky O. N. 2016. Sociobiotehnicheskie sistemy: novyj vzgljad na vzaimodejstvie cheloveka i prirody. [Sociobiotechnical systems: a new approach to humanity-nature interaction]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. № 3. P. 5–22. (In Russ.).

Arsenault A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // *International Sociology*. № 23(4). P. 488–513.

Beck U. 2010. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of ‘Cosmopolitan’ Risk Communities / Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.

Fisher-Kowalski M. 1997. Society’s Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star // *The International Handbook of Environmental Sociology* / Ed by M. Redklift, G. Woodgate. Northampton, MA: Edward Elgar, 1997. P. 119–137.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. 2007. Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University.

Sociology, Politics and Power. An Interview with Antony Giddens. Dec. 2016. [Electronic resource]. *Global Dialogue*. Vol. 6. № 4. URL: <http://isa-global-dialogue.net/sociology-politics-and-power-an-interview-with-anthony-giddens/> (date of access: 14.02.2017).

The Global Risks Report 2016 [Electronic resource]. World Economic Forum. Geneva. URL: www.weforum.org/risks (date of access: 14.02.2017).

Date received by 15.03.2017

